

ЛАРИСА ПАВЛОВИЧ

ПОД ТЕНЬЮ
СТАРОГО
САДА

Писательница мечтает купить дом с большим садом, но на пути к её мечте встают призраки, воспоминания которых живут в этом саду... Пожилой кинорежиссёр влюбляется в молодую актрису, ради которой он отправляется в ад, откуда освобождает всю съёмочную группу... Обычная брежневская девятиэтажка отрывается от земли и летит в бездну...

Перед вами — 25 фантастических рассказов с размышлениями о жизни и смерти, о добре и зле, о настоящем и будущем, о любви и гармонии, о поисках смысла жизни и смысла истории планеты, об аде и рае.

Лариса Павлович ПОД ТЕНЬЮ СТАРОГО САДА

ЛИВИОРАТА

Однажды родившись, кино, я уверен, никогда не умрёт. Ещё учась в школе, я осознал, что хочу быть либо сценаристом, либо кинорежиссёром, либо писателем. Я хотел окунуться в этот блистающий тайный мир, полный правды и иллюзии, где можно погрузиться в прошлое или отправиться в будущее, словно на машине времени. Даже известную фразу о том, что история повторяется сначала как трагедия, потом как фарс, я бы переименовал, что она повторяется сначала как реальность, а потом как кино.

Судьбе было угодно, чтобы мои мечты осуществились, и в начале 60-х годов я стал начинающим, но быстро набирающим популярность режиссёром. С тех пор я наблюдал, как остальные виды искусства постепенно мельчают и вымирают: после 70-х годов наметился явный спад в музыке, а после нулевых она вообще стала непереносимой для моего музыкального слуха; исчезли также большие личности и в политике, и в области мышления и религии, и лишь кино всё ещё держалось, хотя и там становилось всё

меньше великих личностей, как среди актёров, так и среди режиссеров. Я уже думал, что и кино медленно сойдёт на нет, как вдруг в кадре моей жизни появилась она, Ливиората...

Даже её имя вызывало недоумение и вопросы: кто она такая, какой национальности и откуда она взялась? Действительно, она возникла как бы из ниоткуда, и ходили слухи, что она помесь человека и инопланетянина, созданная в лаборатории, что она ожившая древнеегипетская мумия царицы Нефертити, что она — воскрешённая стараниями генетиков сама праматерь мира Ева.

Разобраться в её корнях было невозможно, потому что девушка выросла в сиротском приюте, куда её подкинули незнакомцы. Но когда она выросла, то её красота поразила всех, и сразу же открыла ей дорогу в большое кино. Говорят также, что имя Ливиората было написано на медальоне, который висел у неё на шее, когда её нашли. Так или иначе, она свела с ума всех, в том числе и меня, пожилого режиссёра, своей умопомрачительной красотой. Она вся была создана словно по каким-то иным, не современным примитивным стандартам, а по канонам какой-то непостижимой, древней красоты, тонкой и изысканной, и в то же самое время что-то в ней было от каждой нации, в том числе и от американцев.

Когда я впервые увидел Лив (так сокращённо

её называли близкие знакомые), то мне захотелось упасть к её ногам, словно она была сошедшей с небес богиней. Я потерял дар речи и меня словно парализовало. Даже понимая, как ничтожно малы мои шансы, я влюбился в неё, словно мальчишка, и с тех пор её образ поселился в моём сердце и в моём профессиональном желании снять с её участием фильм. Иногда бывает так, что появляется какая-то роль, и под неё ищут подходящую актрису, но здесь всё было наоборот: появилась Ливиората, и все стали искать подходящую под неё роль. До меня она уже успела сняться в двух фильмах-сказках, где она играла королев и богинь, и я понимал, что такую натуру невозможно представить в роли обычной женщины, работающей где-нибудь по найму. И тогда я написал сценарий, где она была богиней гор, сначала решившей погубить альпинистов, а потом спасшей их и влюбившейся в одного очаровательного альпиниста. Снимать нужно было в горах, и как только Лив согласилась на эту роль, вся наша съёмочная группа выехала в непальские Гималаи.

Честно говоря, я никогда не был в горах, хотя мечтал увидеть их с детства. И вот, пропитанный любовным сиропом, от чего мои движения стали неловкими и замедленными, я стал собирать тёплые вещи и альпинистское снаряжение для съёмок в

горах. Я сам не представлял, во что я ввязался, мой мозг плавился, успокаивало лишь то, что фильм с участием Ливиораты просто был обречён на успех, ведь она освещала собою экран. На роль красавца-альпиниста пришлось взять смазливового Эндрю, который был родом из Южной Америки и считался истинным мачо, крутым парнем, любимчиком женщин. Женщины были от него без ума, но ходили слухи, что Эндрю скрытый гомик, потому что при всей своей красоте он сторонился женщин. За это, в принципе, я его и выбрал: я боялся, что Ливиората влюбится в красивого актёра, и что их любовь станет взаимной. А если Эндрю числился в гомиках, то на ответную любовь ей нечего было рассчитывать, и это меня успокаивало. Правда, я понимал, что и мне тоже не на что рассчитывать, ведь недавно мне перевалило за 60, но по крайней мере я мог жить и работать рядом с Лив, что само по себе было уже наполовину счастьем.

И вот наш гружёный аппаратурой автобус выехал из Катманду в сторону гор. Лив сначала села рядом с Эндрю, о чём-то оживлённо с ним беседуя, и я безумно ему завидовал, замечая в её жестах и выражении лица флирт. Но глядя на бесстрастное лицо Эндрю я успокоился, благодаря Господа за то, что он придумал гомиков. После ночёвки у подножья гор утром мы снова вернулись

в автобус, и к моему полному счастью, Лив по своей собственной инициативе села со мной. От счастья я тут же растёкся по сидению, не в силах вымолвить ни слова, да и Лив молчала, разглядывая величественные горные пейзажи за окном. Очевидно, за предыдущий день она уяснила себе, что с Эндрю что-то не так, и поэтому пересела ко мне, но вчерашнего флирта в её движениях я уже не замечал. Что же, возраст никуда не спрячешь: я стар и совсем не красив, не то что жгучий мачо Эндрю! Поэтому мы ехали по большей части молча, лишь иногда перебрасываясь незначительными фразами. Лив не хотела со мной флиртовать, а я был не в силах, поскольку меня разбил любовный паралич. Не знаю, заметила ли это Лив, но я изо всех сил старался выглядеть нормальным и беспристрастным.

Наш путь пролегал мимо таких ужасных и обрывистых пропастей, что вся съёмочная группа вжималась в кресла и мысленно молилась Богу, чтобы автобус не сорвался вниз. Дороги в этих горах узкие и опасные, и каждый год какой-нибудь автобус или машина срываются вниз, и выживших почти не бывает. Стоит только водителю зазеваться, или если какой-нибудь поток размочит дорогу, как горы приносят в жертву направляющихся к ним путников. Часто также с гор сходят камнепады и лавины. Поэтому ехать по

горной дороге — это всегда смертельный риск, вот поэтому и притихла вся наша съёмочная группа.

Лив даже заснула, положив голову ко мне на плечо, а я, не веря своему счастью, слушал её едва ощутимое дыхание, заглушаемое рёвом мотора. Я ощущал себя самым счастливым человеком на свете, и, наверное, я один не спал, когда наш автобус вдруг заглох и стал скатываться вниз. Всё произошло за какие-то доли секунды, и вот мы уже летим вниз! Я вдохнул в себя воздух поглубже, понимая, что вот-вот умру, и поцеловал в губы спящую Лив. Она даже не проснулась, чтобы осудить меня, и все, кто ехал в этом автобусе, умерли почти одновременно после сокрушительного удара автобуса о дно пропасти. Ещё миг назад мои губы ощущали губы Лив, и вот я уже лечу куда-то сквозь молочно-белое пространство, и нет уже никакого автобуса, ни гор, ни Лив, ни моей прошлой жизни.

Я очнулся в каком-то приятном месте, где было темно и тихо, лишь морской бриз шевелил высокие пальмы, принося с моря свежесть и прохладу. Сначала я не понимал, как здесь оказался, а потом вспомнил падающий вниз автобус и свой прощальный поцелуй с девушкой моей мечты. Как жаль, что сейчас она мертва, и как сказал поэт, не досталась никому, только гробу одному...

Впрочем, раз я оказался в раю, значит, никакой смерти нет, и возможно, она тоже жива и где-то рядом. Едва ощутив себя способным стоять на ногах, я тут же бросился на её поиски, успевая замечать лишь краешком глаза, как прекрасен рай в любое время дня и ночи. Здесь было множество цветов, живительный воздух, общество из прекрасных телом и духом людей и даже скатерть-самобранка, лежащая на любом столе, но всё это меня не радовало, поскольку рядом не было Лив. Я изучил всю местность вдоль и поперёк, заглянул в каждую пещеру и каждую складку местности, но не нашёл её нигде. Люди рая иногда узнавали меня и просили дать автограф, но они ничего не знали о Ливиорате, поскольку умерли до её появления в кино. Я с удовольствием рассказывал им, кто она такая, они лишь удивлённо качали головами.

Мой рай оказался приятным, но довольно непротяжённым местом. Так, клочок цветущей земли и тропического леса возле океана, заполненный такими же добродетельными старикашками, как я. Со временем я смирился со своей участью и проводил целые дни, качаясь в кресле-качалке, наблюдая рассветы и закаты и смотря в искрящуюся даль моря. Я размышлял о том, где же сейчас может быть Ливиората: в другой части рая или же где-нибудь в аду? А может, она

каким-то чудом выжила и продолжает сниматься в кино? Пощадила ли жизнь её красоту, или теперь она инвалид с искарёженным телом и разбитым о землю лицом? Я проклинал себя за то, что придумал такой плохой фильм, который свёл в могилу всю нашу схёмочную группу, а вернее, разбросал её по мирозданию. Кто-то сейчас в раю, а кто-то в аду...

Внезапно мои размышления прервало чьё-то покашливание. Я оглянулся, и чуть не упал с кресла-качалки: возле меня стоял жгучий мачо Эндрю, но теперь он так разительно изменился! Его красивое лицо стало абсолютно чёрным, как у негроида, а волосы побелели и были совсем седыми. Его тело тоже почернело, от него шёл запах серы и ещё каких-то затхлых помещений типа тюрьмы, а на мощной шее был кожаный ошейник с номером. Боже, как же теперь он был отвратителен, жалок и ужасен! Но всё равно, я обрадовался нашей встрече, потому что она мне могла принести весть о Ливиорате. Эндрю, озираясь по сторонам, отозвал меня в кусты, чтобы нас никто не видел. Потом, то и дело кряхтя и покашливая, он рассказал мне, что после падения автобуса в попасть он и вся съёмочная группа попали в ад.

— Пока ты здесь прохлаждаешься, — сказал мне Эндрю, — мы, грешники, стоим в ручье кипятка, кто по пятки, кто по колению, а кто и по

плечи! Всё это ужасно и мучительно, нас бьют охранники, а в ранах заводятся шевелящиеся черви. Но не это я хотел сказать тебе, старина: у нас в аду я видел Ливиорату, клянусь тебе Богом! Я тебя не обманываю! Всё мы стоим в этом проклятом ручье, не знаю, за какие уж грехи, а Лив прислуживает официанткой в чертовской столовой. Её никто не наказывает, но жизнь в аду, сам знаешь, не курорт. Её лицо тоже потемнело, не настолько сильно, как моё, и в её волосах я заметил седину. Но она всё ещё хороша, ослепительно хороша! По ночам я иногда встречаюсь с ней: охранники подкуплены и делают вид, что ничего не замечают. Мы встречаемся на каменистом поле возле ручья, и я понимаю, что она влюблена в меня. Она начинает светиться от счастья, как только я её обнимаю, но ты же знаешь, Нэд, я не люблю женщин! Все эти слухи обо мне были правдой: я гей. Если бы все мы, актёры, не оказались в аду, я бы давно признался ей в этом, но там, где нет света, где всё потеряно, мы, бывшие люди, стараемся держаться вместе и помогать друг другу. Понимаешь, я не могу оттолкнуть её в аду...

Узнав, что Лив сейчас в аду, я перебил Эндрю и попросил его показать мне туда дорогу. Но Эндрю сказал, что пройти туда праведнику невозможно. Есть только один способ: можно поменяться с кем-нибудь местами, выдав себя за

грешника.

— Если ты согласен поменять рай на ад, то мы можем сделать вот что: я останусь здесь, а ты вернёшься на моё место. Тебе придётся принять мой облик и стоять каждый день по пятки в кипятке! Тебя будут мучить голодом и унижать охранники, ты не будешь видеть света, зато по ночам ты сможешь видеться с Лив! Мне-то она безразлична, зато, как я замелил ещё на земле, ты к ней неровно дышишь. Ну а дальше — как карта ляжет: ад не вечен, когда-нибудь вы выкарабкаетесь и, возможно, будете вместе. Короче, условие такое: ты получаешь мою молодость и красоту, а я получаю твой облик и место в раю. Думай быстрее, у нас мало времени: я отпросился у охранников всего на полчаса!

Меня не нужно было долго уговаривать, хотя я и сомневался, что Эндрю говорит правду: очень уж было странно, что Лив тоже в аду, как и все. Облик Эндрю был ужасен, меня просто трясло от его вида, но мне настолько хотелось увидеть Лив ещё раз, что я согласился на его предложение. Правда, я поставил одно условие: если он меня обманул, и в аду нет моей Лив, то наш контракт расторгается, и он снова вернётся в ад, а я переключую в рай. Эндрю поклялся, и как только мы ударили по рукам, моя душа переместилась в его тело, а его душа поселилась в моём. На прощание

мы обнялись и пожелали друг другу удачи. Эндрю показал мне тайный вход в пещеру, и я вошёл внутрь. Потом дверь за мной закрылась, и наступила полная темнота. Вдали мерцало красным какое-то отверстие, и я пошёл на этот свет, стараясь не думать о том, что иду в ад и вот-вот буду стоять по щиколотку в ручье из кипятка.

Минут через десять я оказался в мрачной каменистой местности, подсвечиваемой светом пламени костров. Здоровенный чёрт-охранник помахал мне рукой, сказав:

— А, Эндрю! Ну как там в раю? Погулял со смазливymi райскими парнями? — Затем чёрт мерзко захихикал, а я улыбнулся ему, как старому знакомому, привыкая к мысли, что теперь меня будут считать м-м-м...геем. Ну да плевать, скажу, что сменил ориентацию! Как только я подошёл к нашему городку грешников, второй охранник взял меня за ошейник и грубо втолкнул в камеру, закрыв за мной дверь. При этом я подумал, что не успел спросить у Эндрю, чем он подкупает чертей: это бы пригодилось знать на будущее.

Наутро тот же охранник вывел меня из клетки и повёл на завтрак, который был так ужасен и омерзителен, что я не стану его описывать. После завтрака меня и других грешников повели к кипящему ручью, куда мне надлежало войти по щиколотку. Я думал, что сдержу крик, но не смог: я

закричал душераздирающим, не своим голосом, и вместе со мною кричали все мои соседи по несчастью. Крик наш был ужасен, но через минут десять боль стала утихать, и мы уже не кричали, а стонали, глотая слёзы. Я уже было пожалел, что согласился на сделку с Эндрю и попал в ад, но постепенно мысли стали уносить меня к Ливиорате, и боль понемногу отошла на второй план.

Целый день при свете какого-то кроваво-красного солнца мы стояли в ручье, а когда светило стало клониться к закату, нам разрешили пойти поужинать. Ужин был не лучше завтрака, и день закончился тем, что меня снова втокнули в клетку. По какому-то особому случаю чёрт-охранник ещё дал мне размашистого пинка, до такого сильного, что я ударился о стену головой. Искры посыпались из моих глаз, но как только боль утихла, я заметил, что случайно вышиб головой из стены небольшой камень, а за камнем оказался тайник. Просунув в него руку, я обнаружил целый склад анаши и усмехнулся, поняв, чем Эндрю подкупал охранников. Очевидно, поклонники приносили на могилу Эндрю травку, и эта травка какими-то неведомыми путями оказывалась здесь, в его тайнике. Я взял горсточку, а остальное оставил на потом, закрыв тайник камнем. Как только пришёл ночной охранник, он сам обратился ко мне за травкой, не надо было ему ничего объяснять.

Получив желаемое, он вывел меня из камеры и в темноте провёл к выходу, сказав напоследок:

— У тебя есть два часа, Эндрю. Смотри, не опаздывай!

В знак одобрения я показал ему средний палец и отправился на пустошь за воротами городка грешников, освещённую лишь пламенем далёких костров. Было прохладнее, чем днём, и гораздо тише, лишь запахи мерзких испарений портили ночную картину. Я ждал около двадцати минут, прогуливаясь по каменной пустыне, лишённой растительности, как вдруг вдалеке показалась женская фигура. Моё сердце сразу же забилося: сомнений не было, это была Лив, любовь всей моей жизни! Я побежал ей навстречу и крепко сжал в объятиях. Казалось, за этот миг можно стерпеть и муки в кипящем ручье, и жизнь в тесной клетке, и все муки ада!..

Потом я взглянул на неё, боясь того, что её красота померкла. Но хотя её лицо стало бледно-серым, глаза запали, а в чёрных волосах появилась седина, она всё ещё была прекрасна, и впервые после автобуса я ощутил на своих губах вкус её губ. Казалось, Лив была удивлена, ведь это она любила Эндрю, а он не был влюблён в неё. Моя горячая любовь удивила её, казалось, она пришла сюда не за этим.

— Поймай, Эндрю, — сказала она, — ты ведь

собирался на вылазку в рай, ну как, получилось?

Я кивнул головой и рассказал её свою версию случившегося: о том, что встретил там Нэда, то есть самого себя, и о том, что тот живёт хорошо и ни в чём не нуждается.

— Как я рада за него, — сказала Лив, — хоть он один из нас не попал в это пекло! — Ты передал ему мой привет? — спросила Лив, заглядывая мне в глаза. — Конечно, — ответил я, добавив вдруг: — Ты знаешь, дорогая, ведь он безумно любил тебя, и до сих пор любит! Он так раскаивается, что свёл нас всех в могилу!

— Он не виноват, — ответила мне Лив, задумавшись над словами, которые я ей сказал. Разумеется, я не мог сказать ей, что поменялся с Эндрю местами, и что это я обнимаю её, а не мачо Эндрю.

— Он был прекрасным человеком и отличным режиссёром, — сказала она, смотря на дальние костры. А я всё ещё не мог поверить, что я снова рядом с ней, и на этот раз она меня любит. Её слова обо мне прежнем растопили меня, и я не мог сказать больше ни слова. В эту ночь я был самым счастливым человеком в аду, а возможно, и во всей галактике! Каменистый ад с запахом серы перестал для меня существовать, и я провалился в любовь, словно в nirвану.

Как быстро пролетели эти два часа, и я

шепнул Лив, что мне пора уходить. Последний поцелуй, и вот уже опять знакомые стены тюрьмы с их затхлым и тоскливым запахом. Когда я вернулся, даже чёрт посмотрел на меня странным взглядом, будто что-то почуяв. Я весь сиял, и казалось, глазами освещал путь в тоннеле и мрак внутри моей камеры. Я готов был целовать её стены и безумно был благодарен Эндрю, что он меня не обманул. Теперь я снова молод, красив, любим, полон сил, и огорчало лишь одно: мы с Лив всё ещё в аду, и завтра снова нужно стоять в проклятом кипящем ручье! С этой ночи я стал думать, как нам всем, то есть всей нашей съёмочной группе, сбежать отсюда. В том, что способ есть, я не сомневался: ведь нашёл же его Эндрю. Но ему было чем заманить меня в ад, я же не мог предложить что-то такое жителям рая. Поэтому мой ум стал искать другой надёжный способ.

Время в аду пролетало быстро по ночам, когда я был с Лив, и ползло очень медленно днём, когда приходилось стоять, корчась от боли в кипящем ручье. Именно в нём и я нашёл всю нашу съёмочную группу: оператора, гримёра, мастера по свету и директора картины. Я всем передал привет от себя самого, и пока я это делал, в моей голове пронеслась одна любопытная идея. Дело в том, что у чертей почти отсутствовало искусство: кажется, в их столице был чертовский театр, но здесь, в

глуши, не было никаких развлечений, кроме азартных игр, пьянок, драк и изредка травки.

Черти просто изнывали от скуки, и я вдруг подумал, что пора в нашем захолустье открыть киностудию. Если это будет по техническим причинам невозможно, то нужно открыть у нас хотя бы театр, благо хорошие актёры в нашем аду имеются. Целый день, стоя в кипятке, я думал об этом, рисуя в своём воображении различные фильмы и спектакли. Пока что мне был не понятен вкус чертей: что бы их могло заинтересовать? Может быть, грубые боевики, детективы, фильмы про любовь, шпионские фильмы, водевили, комедии или триллеры?

Порнуху я исключил сразу, так как никогда бы за это не взялся. Немного поразмыслив, я пришёл к выводу, что ужасами в аду никого не удивишь, про любовь они ничего не поймут, пожалуй, пошли бы боевики и комедии. До сих пор я как режиссёр не силён был в жанре комедии, но интуитивно почувствовал, что именно смеха в аду и не хватает. С тех пор, стоя в кипящем ручье, я придумывал различные комедийные сюжеты, под стать уровню интеллекта чертей, а по ночам обсуждал их с Лив, между объятьями и горячими поцелуями. Ей понравилась моя идея, и ожидание её воплощения скрасило наши мрачные дни в аду.

Наконец, когда основные сюжеты были

придуманы, я подозвал к себе ночного охранника, давно подкупленного травкой, и попросил его свести меня с начальником тюрьмы. Чёрт, немного подумав, согласился, и договорился с начальством о встрече. И вот, в один из дней, сразу же после завтрака меня повели к шефу, которого до сей поры я никогда не видел. Шеф оказался упитанным лысеющим чёртом, на вид весьма добродушным. В его кабинете были кондиционеры, и я впервые за долгое время ощутил блаженную прохладу, словно опять попал в рай. Шеф выслушал моё предложение и неожиданно быстро согласился: было видно, что он умирает от скуки, высланный из столицы служить в нашу глухомань. Мои сценарии были просты и незатейливы, они описывали похождения некой Чёртовой Бабушки, которая была молода душой, искромётна и любила проводить время с молодыми чертями, изменяя недотёпе мужу, старому чёрту. Продиктовав сценарий шефу, я с замиранием сердца ждал его реакции: вдруг всё это не в его вкусе, и надо было завернуть что-нибудь эдакое шекспировское, или какой-нибудь боевик со взрывами и убийствами. Но шефу очень понравился сюжет про Чёртову Бабушку, и я видел, что его глаза загорелись. Он сразу же подписал приказ, по которому я и вся наша съёмочная группа освободились от кипячения в ручье и направлялись после

улучшенного завтрака на репетицию. Лив тоже теперь репетировала вместе с нами, и вся наша группа была безумно счастлива, занявшись, как прежде, своим актёрским ремеслом.

Наш гримёр был полубогом, и под его руками наш осветитель очень скоро превратился в озорную Чёртову Бабушку с небольшими усами и с огоньком в чёрных глазах. Директор картины играл её старого придурковатого мужа, Лив изображала служанку бабуси, а я и все остальные играли роли бабкиных молодых любовников. И вот, наконец, состоялась премьера спектакля. Пьеса было примитивная, но смешная, и каждый раз весь зрительный зал чертей хохотал и стучал копытами, когда её смотрел. Они просили повторить ещё и ещё раз, и каждый раз их взрывной смех не утихал.

Даже сам шеф тюрьмы упал под стул в припадке хохота, а за ним повалились и остальные черти чином пониже, помахивая хвостом и похлопывая копытами от удовольствия. Окрылённые успехом, мы репетировали всё новые и новые пьесы, и вскоре слава о нашей труппе разносилась по всему аду. Нас уже не воспринимали отдельно от наших персонажей: черти были недалеко разумом и начинали верить в то, что Чёртова Бабушка действительно существует в реальности. Нас теперь хорошо кормили, и я выбил разрешение у шефа жить с Лив в одной камере.

Теперь нам не нужно было прятаться и скрываться, и вроде всё налаживалось. Но плана побега у меня всё ещё не было, и я не знал, как же вытащить всю нашу талантливую труппу из ада.

Но однажды идея всё же пришла. Я приказал всем актёрам больше не убирать с лица грим и не снимать парики и костюмы никогда, даже ночью. Я также наказал всем не откликаться на собственные имена и звать друг друга так, как было в наших пьесах. Расчёт был на то, что постепенно черти начнут принимать вымышленные персонажи за реальные, а роли за реальность, и постепенно они позабудут, что все мы лишь переодетые грешники. Сказано — сделано: вся группа полностью вошла в роль и вела себя так, словно мы были постоянно на сцене. Черти до того привыкли к этому, что даже перестали запира́ть нас в клетках на ночь. Они привыкли, что мы ходим туда-сюда по тюрьме, развлекая охранников, а днём отсыпаемся.

Я помнил дорогу, по которой ко мне в рай пробрался Эндрю, и в одну прекрасную ночь вся наша группа вышла из тюрьмы якобы для того, чтобы прогуляться и подышать свежим воздухом. Обкуренный охранник не возражал, и, напоследок ущипнув Чёртову Бабушку за попку, выпустил нас на волю. Помахав ему рукой, мы все вшестером пошли по протоптанной Эндрю тропе. По внешнему периметру ада, как и полагалось, стояла

другая охрана, но и та была весьма коррумпирована и снабжена мною травкой, запас которой благодаря земным поклонникам Эндрю никогда не кончался. Ещё один обкуренный охранник заулыбался, когда мы к нему подошли. Он постарался облапать Чёртову Бабушку, попутно спросив всех нас, куда мы собрались в столь поздний час. Что можно было ему ответить?

— В гости к Чёртовому Дедушке, конечно! — ляпнул я, но поскольку нас уже давно не воспринимали как грешников, чёрт не был удивлён этим ответом и распахнул перед нами калитку. Лив зашла первой, за ней потянулись все остальные, а я шёл последним.

— До скорого! — крикнул я охраннику, исчезая в тёмном тоннеле. Мы шли молча, всё ускоряя шаг, потом, не сговариваясь, побежали. Через несколько минут тоннель закончился, и мы, смеясь и срывая с себя парики, выбрались наружу. Все вместе мы завалили огромным камнем вход в ад, а после прыгали, кричали и обнимались. Над нами снова была сияющая Луна и звёзды, от которых мы отвыкли в аду, наши тела обвевал морской бриз, а впереди ждала радость и свобода! Мы побежали к морю, чтобы искупаться и навсегда смыть с себя всю копоть ада, окунувшись в райскую свежесть и прохладу. Я обнимал и целовал Лив, стоя с ней уже не в кипящем адском ручье, а в

прохладных и белопенных волнах океана.

И всё же, где-то глубоко в подсознании у меня появилась мысль, что теперь, в свете дня, я покажусь моей любимой Лив совсем чёрным и некрасивым, даже отталкивающим, как когда-то Эндрю показался мне таким. Над океаном уже вставал рассвет, и он должен был осветить всё моё убожество. Я знал, что в раю множество красивых молодых парней: вдруг Лив теперь разлюбит меня и полюбит кого-то другого?...

Как это ни печально, но мои опасения подтвердились. Как только взошло солнце, Ливиората увидела, как я чёрен, сед и некрасив. Мы поселились в красивом месте на берегу моря, но я заметил, что Лив как будто стала избегать меня, заглядываясь на одного молодого и красивого актёра, который совсем недавно умер на земле и попал в рай. Это был не только голубоглазый и русоволосый красавец, но он играл роли таких положительных героев, что когда он умер, никто не хотел в это поверить. Его звали Пол, и его смерть была тяжёлой утратой для всей земли, ведь именно о таких, как он, говорят поэты: «Опустела без тебя земля!» В последнем фильме вместо него снимался его электронный дублёр, а реальный Пол уже бродил по привольным берегам рая. Однажды я заметил, как странно Лив смотрит на него, и понял, что могу её потерять. Она всё ещё не знала, что на

самом деле в теле Эндрю живёт душа режиссёра Нэда, и если бы я ей об этом рассказал, она, может быть, и не поверила бы. Эндрю в теле Нэда мог бы подтвердить мои слова, но пока я был в аду, тот куда-то подевался. Говорили, что его выгнали из рая за однополую любовь, а может быть, просто пришло его время вернуться на землю.

Я бродил в одиночестве по берегу океана и не знал, что мне делать дальше. Лив всё больше отдалялась от меня, и, видя это, я был ещё несчастнее, чем в аду. И в один прекрасный вечер, понимая, что скоро Лив уйдёт от меня, я решил уйти первым. Перед уходом я написал ей письмо, где рассказал всю правду: как, будучи известным кинорежиссёром, полюбил её, как написал для неё сценарий, как целовал её в тот страшный момент, когда наш автобус падал в пропасть, и как потом один из съёмочной группы попал в рай. Я написал ей о визите Эндрю и нашей с ним сделке, и о том, что променял рай на ад только ради неё. Всё остальное она знала сама. Дописав до конца, я расплакался от жалости к самому себе, а потом ушёл в самую чащу леса, где она не смогла бы меня найти. Я решил жить вдали от людей, развлекаясь написанием новых книг, театральных пьес и киносценариев. Я отпустил её к Полу, надеясь в глубине души, что однажды она всё же любит меня и однажды придёт сама.